

ЧАСТЬ II. ПАРАДИГМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ (РАЗЛИЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ)

Ансимова Ольга Константиновна

ЯЗЫКОВАЯ СПОСОБНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Ключевые слова: языковая способность, интерпретация языкового знака, когнитивная лингвистика, психолингвистика.

Положение о неравенстве индивидуальной речевой системы и системы языка ставит перед исследователями определенный круг задач, который включает изучение языковой способности. Данная работа посвящена выявлению объема данного понятия, а именно: области функционирования языковой способности, природе языковой способности, ее основным признакам и свойствам, структуре, термину «языковая способность», а также методам исследования языковой способности.

Keywords: language competence, interpretation of sign of language, cognitive linguistic, psycholinguistic.

Inequality of individual speech system and language system raises a range of challenges for researchers that includes learning of language competence. The work is dedicated to finding matter of this term, namely: area of application of this language competence, nature of language competence, its key features and properties, structure, the term «language competence», and methods of research of the language competence.

Соотношение языка и сознания на протяжении истории всей лингвистической науки решалось неоднозначно. Оно колебалось «между отождествлением, полным слиянием мысли и слова и между их столь же полным разрывом и разъединением» [4, с. 5].

Современный этап развития языковедческой науки культивирует идею о неравенстве индивидуальной речевой системы и системы языка. Под первой принято понимать некое динамическое образование, формирующееся в сознании индивида, под второй – нечто стабильное в языке. Отсюда понятно, что современный этап развития науки о языке отмечен становлением антропоцентрической парадигмы.

Вслед за В.А. Пищальниковой, обратим внимание на то, что в настоящее время «мы находимся в самом начале специфической лингвистики, интегрирующей разные лингвистические, и не только лингвистические, теории с целью четкого формулирования нового объекта исследования – языковой способности» [26, с. 123].

Когнитивная лингвистика оформилась в качестве научного направления во второй половине XX в. как ответ на необходимость посмотреть на язык с точки зрения его участия в познавательной деятельности человека. Это касается в особенности проблем продуцирования и восприятия речи, моделирования мыслительных процессов, репрезентации ментальных структур в вербальных произведениях. Таким образом, с этим направлением связаны новые акценты в понимании языка, открывающие широкие перспективы его изучения во всех разнообразных и многообразных связях с человеком, его интеллектом, со всеми познавательными процессами.

Если говорить о становлении когнитивной лингвистики как самостоятельной научной дисциплины, то понятна потребность в формировании ее категориально-понятийного аппарата, потому что выработка метаязыка описания является первоочередной и важной задачей науки. Тем более что без выявления сути языковой способности языка модель языка кажется ущербной [20, с. 81].

Многогранность специфики языковой способности, вызывающая противоречивость ее модельного представления, требует поиска описания этого феномена.

Таким образом, актуальность настоящей работы определяется необходимостью разработки теоретических оснований определения механизма языковой способности в рамках когнитивного подхода.

Объект исследования – понятие языковой способности в современной лингвистической науке. Предмет – языковая способность как врожденная и развивающаяся по закону функциональных динамических систем при значительной роли общества способность индивида к интерпретации языкового знака и к наполнению его ментальным содержанием в процессе восприятия и продуцирования речи. Цель работы – выявление объема понятия языковой способности.

Достижение заявленной цели предполагает решение следующих задач:

- выявить область функционирования данного понятия;
- проследить формирование понятия «языковая способность»;
- рассмотреть процесс становления языковой способности индивида;
- охарактеризовать природу и структуру языковой способности;
- обозначить основные признаки и свойства языковой способности;
- проанализировать современные подходы к определению языковой способности;
- рассмотреть методы исследования, применяемые для выявления языковой способности или для характеристики ее отдельных уровней.

В связи с тем, что до сих пор не существует однозначной непротиворечивой исследовательской модели языковой способности [35, с. 3], выработку собственной рабочей гипотезы о языковой способности как о врожденной, развивающейся по закону функциональных динамических систем при значительной роли общества, способности индивида к интерпретации языкового знака и наделение его (знака) ментальным содержанием можно рассматривать как теоретическую значимость данной работы.

В качестве теоретического основания наше исследование использует положения, связанные с рассмотрением языка как специфической семиотической системы, способной актуализировать в мышлении индивида механизмы, функционирование которых приводит к порождению смыслов (работы В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Леонтьева и др.).

Область функционирования языковой способности

Понятие языковой способности является актуальным для современной лингвистической науки. Наиболее востребовано оно в терминологических аппаратах, обслуживающих области психолингвистики и когнитивистики.

Упоминая две области знания функционирования языковой способности, нужно отметить, что, А.А. Залевская, обращаясь к вопросу периодизации психолингвистики, отмечает трудность подобных попыток и приводит несколько подходов к классификации периодов становления и развития психолингвистической науки. Это классификации Е.Ф. Тарасова, Д.Кэрролла и Дж. Кесса. Обратим внимание на подход Дж. Кесса, согласно которому современный период развития психолингвистики отнесен когнитивной ориентацией [6]. Этоозвучно с идеей Е.В. Лукашевич, которая вслед за Е.С. Кубряковой пишет о том, что термин «когнитивный» покрывает ряд наук, которые объединены программой междисциплинарных исследований [20, с. 7].

Если говорить о когнитивной лингвистике как о самостоятельной научной дисциплине, то нужно сказать, что она возникла на базе когнитивизма («направление в науке, объектом изучения которого является человеческий разум, мышление и тематические процессы и состояния, которые с ними связаны» [23, с. 10]) в рамках современной антропоцентрической парадигмы, существенно расширяющей горизонты лингвистических исследований, в связи с необходимостью посмотреть на язык с точки зрения его участия в познавательной деятельности человека. При этом автор обращает внимание на то, что «терминологическая система когнитивной лингвистики характеризуется не столько новыми терминами, сколько уточненными и унифицированными терминами, уже имеющимися в лингвистике или заимствованными из других наук» [23, с. 29].

По мнению А.Е. Кибрика, «многие современные лингвистические дисциплины различаются лишь перспективой (выделенностью того или иного аспекта, той или иной характеристики объекта), а не объектом как таковым» [12, с. 100]. Думается, что это положение в значительной степени применимо и к когнитивной лингвистике.

Иными словами, когнитивистику и психолингвистику объединяют общие проблемы, связанные с «общечеловеческими механизмами владения и пользования языком, с используемыми и универсальными стратегиями и опорными элементами»: обе эти науки подразумевают пристальное обращение к проблеме языкового сознания и языковой личности [12, с. 20].

Следует заметить, что проблема языкового сознания и языковой личности, а следовательно, и проблема языковой способности, актуальна также для современного образовательного процесса, в частности, для области методики преподавания языка (родного и неродного).

Отсюда понятно, почему понятие языковой способности тесно функционирует в нескольких направлениях науки о языке; и почему полное рассмотрение языковой способности только в одной из этих областей языкоznания представляется невозможным.

Данное положение также подкрепляет теория, согласно которой речь, то есть интересующая нас реализация языковой способности, представляется как совокупность некоторых процессов, а именно психических и когнитивных – «как психический процесс, речь связана со всеми другими психическими процессами, которые традиционно рассматриваются как когнитивные (познавательные)» [29, с. 20–23].

Становление / формирование понятия «языковая способность»

Обозначив речь как реализацию языковой способности, считаем необходимым уточнить, что «следует различать язык как абстрактную надиндивидуальную систему, языковую способность как механизм (функцию индивида) и речь, как индивидуальный акт реализации языковой способности через посредство системы языка» [33, с. 4]. Иными словами, мы говорим о трехчленной системе

языка, попытки представления которой были сделаны в работах В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни и И.А. Бодуэна де Куртенэ.

В конечном виде эта система сформулирована Л.В. Щербой в работе «О троеком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании». В ней автор рассматривает речевую организацию, понимая под ней «психофизиологическую организацию индивида», языковую систему – «умозаключение, которое делается на основе всех (в теории) актов говорения и понимания в некоторую эпоху жизни общественной группы» и языковой материал (речевую деятельность) – «система функционирующего языка» [34].

Таким образом, Л.В. Щерба впервые четко разграничил возможные аспекты языка, определив принципы выделения каждого аспекта: «при говорении мы часто употребляем формы, которых никогда не слышали от данных слов, производим слова, непредусмотренные никакими словарями, и, что главное, и в чем, я думаю, никто не сомневается, сочетаем слова хотя и по определенным законам их сочетания, но зачастую самым неожиданным образом, и во всяком случае, не только употребляем слышанные сочетания, но постоянно делаем новые». Говоря об «определенных звуковых сочетаниях», языковед уточняет: «имею в виду здесь не только правила синтаксиса, но, что гораздо важнее, правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы, – правил, к сожалению, учеными до сих пор мало обследованные, хотя интуитивно известные всем хорошим стилистам». Автор подчеркивает, что «процессы понимания, интерпретации знаков языка являются не менее активными и не менее важными в совокупности того явления, которое мы называем языком» [34, с. 24–25].

Данная работа неоднократно интерпретировалась, а идея о трехчленной системе языка легла в основу теории речевой деятельности А.А. Леонтьева, предложившего модификацию трехчленной системе языка Л.В. Щербы.

С речевой организацией индивида А.А. Леонтьев соотнес языковую способность, как «совокупность физиологических и психологических условий, обеспечивающих производство, воспроизведение и адекватное восприятие языковых знаков членами языкового коллектива», с речевой деятельностью – языковой

процесс – «реализацию языковым коллективом языковой способности в определенных культурных условиях для целей коммуникации и мышления» и с языковой системой – языковой стандарт – «упорядоченную систему элементов языковой деятельности» [15].

Для наглядности представим информацию графически.

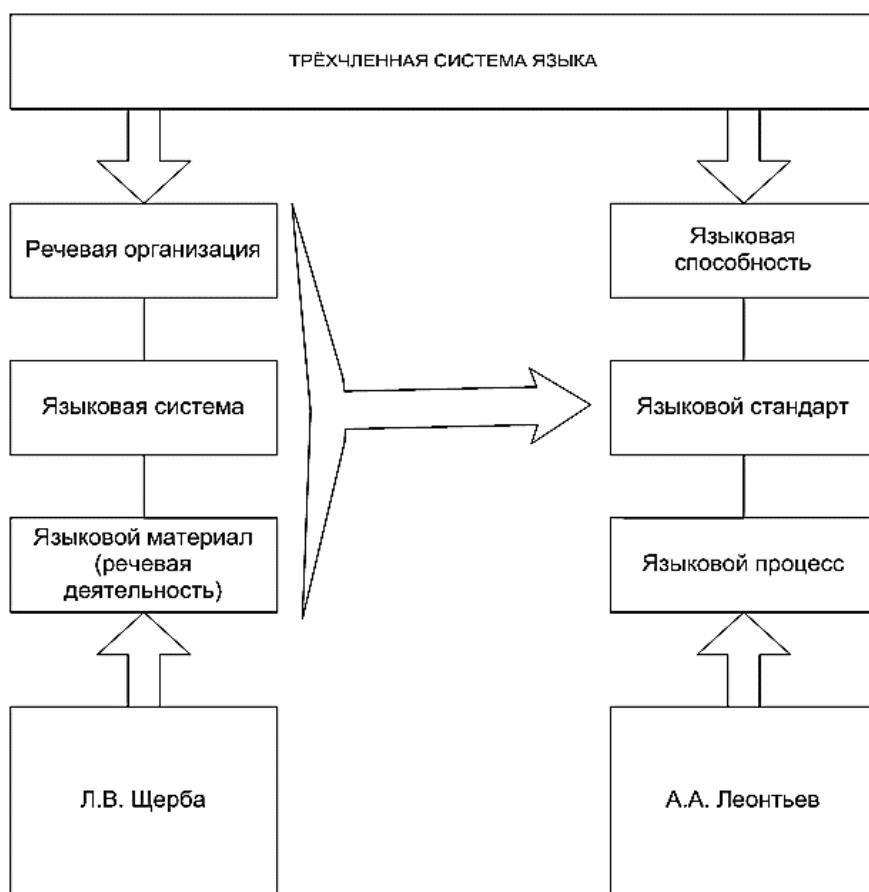

Рис. 1. Схема 1. Представления Л.В. Щербы и А.А. Леонтьева о трехчленной системе языка

Таким образом, А.А. Леонтьев разграничил язык как стандарт и как способность. Это утверждение отличается от противопоставления языка в предметной форме и языка как процесса (речевая коммуникация) [33, с. 5].

Изучение подобного разграничения требует исследования процессов перехода объективно-языковых явлений в явления индивидуальные и наоборот. Такое понимание языка в первую очередь определяет предмет психолингвистики

как «отношение между системой языка и способами языковой репрезентации содержания мышления, то есть языковой способностью» [16, с. 24–25].

Вообще, вопрос о предмете той или иной научной области – «это в конечном счете проблема отличия одной области знания от других областей, имеющих общий объект, наук изучающих человека – уже – его речь, множество» [34, с. 4]. Так, сформулировав предмет психолингвистики, А.А. Леонтьев предполагает, что подобное определение может быть положено в основу установления специфических черт лингвистики (отношение между моделями «язык как система (предмет) – язык как процесс (речь)»); психологии («язык как способность (речевой механизм) – язык как процесс – (речь)»; психолингвистики («язык как система (предмет) – язык как способность (речевой механизм)») [16, с. 101–112]. Тем самым, автор вводит понятие языковой способности в отечественную психолингвистическую школу.

Итак, найдя свое развитие в рамках теории о трехчленной системе языка в психолингвистике, на современном этапе развития гуманитарной науки языковая способность определяется как «одно из ключевых понятий современной лингвистики» [17, с. 617].

Природа языковой способности

В связи с рассмотрением природы языковой способности, необходимо вспомнить, что понятие языковой способности впервые было введено Н. Хомским / Н. Чомски (Avram Noam Chomsky). Отметим, что Н. Хомский выделял два понятия: «языковая способность» и «языковая активность» [32]. Языковая способность определялась им как нечто вроде потенциального знания языка, способность к его усвоению, а языковая активность – как процессы, которые происходят при реализации этой способности в речевой деятельности. Показательно, что для автора языковая способность первична, она определяет языковую активность, а не наоборот.

Важно, что языковая способность, по Н. Хомскому, представляет собой врожденное, передающееся генетически свойство человека [31, с. 5]. Возможно,

это обусловлено тем, что во время формирования данной гипотезы господствовало мнение о том, что «языковая среда, в которой живет ребенок, бедна и часто не способна воздействовать на него должным образом» [1, с. 27].

С одной стороны, лингвисты видят в этом психологическое понимание языковой способности, а именно «индивидуально-психологические особенности, являющиеся субъективными условиями успешного осуществления определенного рода деятельности», но, с другой стороны, представление о языковой способности как о врожденном образовании видится как «тупиковый путь» [33, с. 6]. Это положение затрудняет формирование единого подхода к проблеме природы языковой способности.

Считаем возможным выделить две основные точки зрения на природу языковой способности.

Одна из них манифестирует то, что языковая способность имеет заложенный биологический характер и развивается по мере развития ребенка на многие годы. Эта позиция Н. Хомского определяет развитие американской науки о языке, получив название «психолингвистика Миллера-Хомского». Данная концепция находит подтверждение в ряде областей современной науки. Прежде всего, здесь можно сослаться на результаты исследований этологии и экспериментальной физиологии, которые показали наличие инстинктивных (врожденных) форм в поведении животных и сложных функций нейронов в речепроизводстве человека.

Но исследования онтогенеза речи свидетельствуют не о врожденном, а о социальном характере языковой способности человека. Так, представители другой точки зрения, русские психолингвисты, придерживаются того мнения, что языковая способность есть социальное, по сути, образование, которое формируется в процессе общения, иными словами, это «прижизненно формируемый механизм, находящийся в зависимости от влияний социальных факторов», подтверждая данное утверждение следующим примером: «практически всеми исследователями детский речи отмечается наличие гуления – своеобразного «звукопроизводства» в первые месяцы жизни ребенка. Причем факты гуления отмечаются

и у глухонемых от рождения детей. Вместе с тем стадия лепета (следующая после гуления в онтогенезе речи) наступает только у слышащих детей». Таким образом, автор делает вывод, что «механизм гуления является врожденным, поскольку есть у глухонемых детей, однако он никогда не переходит в лепет, если отсутствуют воспринимаемые на слух реакции взрослых, то есть нет влияния социальной среды» [33, с. 6–7].

Отсюда ясно, что данная концепция не отрицает роли природных факторов в формировании языковой способности, но не берет ее за основу.

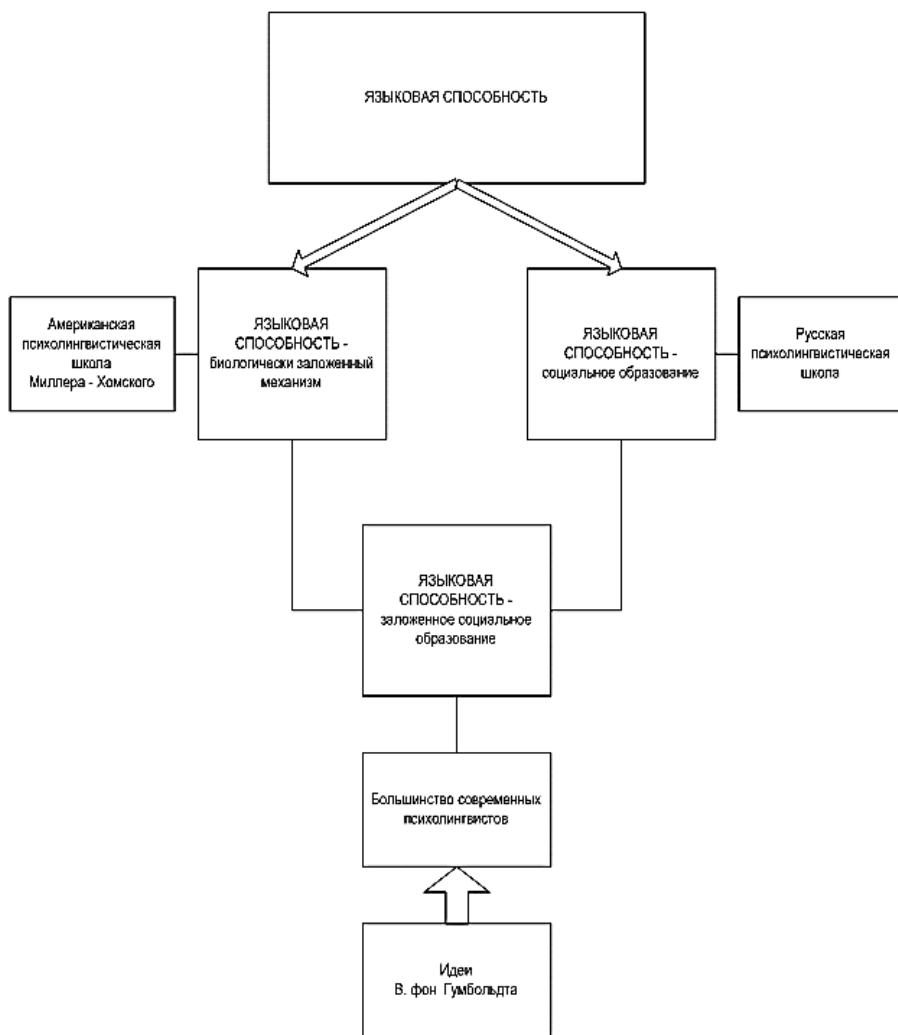
По терминологии А.А. Залевской, исследователи, не признающие наличия врожденного знания, именуются эмпириками, а ученые, считающие, что «от рождения человек располагает определенным «базовым» знанием, – рационалистами [6, с. 79].

Представляется невозможным говорить о жесткой поляризации двух обсуждаемых концепций.

Соглашаясь с тем, что «в полемике по поводу врожденных и приобретенных свойств не учитывается диалектический характер связи между ними, поэтому споры приняли затяжной и непродуктивный характер» [7, с. 23], считаем возможным выявить две характеристики, определяющие языковую способность: 1) биологическую заложенность и 2) социальную обусловленность.

В. фон Гумбольдт считал механизм языковой способности врожденным (так как представляется сомнительным, что ребенок начинает овладевать сложным механизмом речевой деятельности с нуля), но получающим свое развитие под влиянием внешних социальных факторов, так как «человек повсюду одинаков, и способность к языку, может, поэтому развивается при поддержке первого попавшегося индивида. Развитие это, тем не менее, совершается внутри самого человека» [5, с. 78–79]. Для современной психолингвистики и когнитивистики актуально именно такое мнение: «все чаще высказывается мнение о разворачивании наследуемых способностей, в том числе языковой» [28, с. 11].

Представим материал в виде следующей схемы.

В современном языкознании еще не сформировано единого мнения о том, что является необходимым и ведущим и чем определяется формирование и развитие языковой способности человека. Проводя исследования в этой области, американские лингвисты выделяют такую характеристику языковой способности, как биологическую заложенность, а работы русских языковедов акцентируют внимание на ее социальной обусловленности. Но, несмотря на дискуссионность данного вопроса, все больше лингвистов, основываясь на идее о том, что языки являются отображением изначальной языковой способности, заложенной в человеке в виде некоторых смутно осознаваемых принципов деятельности и актуализирующейся с помощью субъективной активности говорящего, который,

пробуждая в себе языковую способность и развертывая ее в ходе языкового общения, всякий раз своими собственными усилиями создает в себе язык [5, с. 78–79], приходят к мнению о том, что такие явления, как биологическая заложенность и социальная обусловленность, равно характеризуют понятие языковой способности, обусловливая ее.

*Характеристика языковой способности
(основные признаки и свойства)*

К основным признакам языковой способности исследователи (А.А. Залевская, А.А. Леонтьев, А.М. Шахнарович и др.) относят а) ее неравенство абстрактной системе языка, б) несводимость к простой реализации данной системы. Это делает невозможным прямое перенесение продуктов метаязыковой лингвистической деятельности на описание закономерностей функционирования языковой способности.

В связи с рассмотрением свойств языковой способности необходимо вновь обратиться к работам В. фон Гумбольдта. Подобная необходимость связана с тем, что в трудах этого автора впервые представлены ее свойства, актуальные для нашего исследования.

«Усвоение языка детьми – это не ознакомление со словами, не простая закладка их в памяти и не подражательное лепечущее повторение их, а рост языковой способности... Успехи здесь растут потому не как при заучивании вокабул..., но с постоянно увеличивающейся скоростью, потому что рост способности и накопление материала подкрепляют друг друга и взаимно раздвигают свои границы». И далее – «то, что у детей происходит не механическое выучивание языка, а развертывание языковой способности, доказывается еще и тем, что, коль скоро для развития главнейших способностей человека отведен определенный период жизни, то все дети при разных обстоятельствах начинают говорить и понимать внутри примерно одинаковых возрастных пределов с очень небольшими колебаниями» [5, с. 78]. Важным для контекста нашей работы является акцентирование В. фон Гумбольдтом в приведенном фрагменте следующих моментов:

- динамичность языковой способности;
- взаимовлияние развивающейся языковой способности и речевых навыков;
- усложнение языковой способности («развертывание») у формирующейся языковой личности.

А.М. Шахнарович выделяет несколько этапов развития языковой способности, сопоставляя их с познавательной деятельностью человека. Исследователь указывает, что на первом этапе развития языковой способности преобладает предметно-практическая деятельность. На втором этапе наряду с предметной деятельностью на развитие речи оказывает влияние когнитивная деятельность. Мыслительное творчество, развитие памяти и воображения позволяют речи быть уже не столько инструментом практической деятельности, сколько средством или даже мотивом для нее. «До того как у ребенка разовьются определенные когнитивные способности, вызывающие появление определенных семантических намерений, требующих определенных средств языкового выражения, соответствующие языковые формы и структуры не используются в речи ребенка, несмотря на то, что он может очень часто слышать их в речи взрослых» [33, с. 181]. Когнитивная деятельность ориентирована на потребности личности (для себя).

На третьем этапе решающая роль принадлежит коммуникативной деятельности, поставляющей материал для обобщений, анализа и усвоения норм социально-верbalного поведения. Коммуникативная деятельность в большей мере ориентирована на социальные потребности (для общения с окружающими).

Отсюда понятно, что при развитии языковой способности органически соединяются процессы познания и коммуникации [33, с. 68].

Идея о необходимости развития языковой способности в процессе обучения находит реализацию в исследованиях многих лингвистов. Например, В.А. Пищальникова акцентирует невозможность эффективного речесмыслопорождения без развитой языковой способности: «конкретная система знаков (язык) выступает инструментом/ средством реализации сложившейся языковой способности и во многом определяется обучением, навыком» [25, с. 17].

Свойства языковой способности, представленные в исследованиях В. фон Гумбольдта, тем или иным образом отражены (и дополнены) в работах многих лингвистов. Большое внимание данной проблеме уделяет в своих исследованиях А.А. Залевская. Так, выделенные еще Л.В. Щербой особенности речевой организации (языковой способности): психофизиологичность, индивидуальность проявления в речевой деятельности и в то же время социальность, А.А. Залевская дополннила следующими важными моментами:

- речевая организация понимается не как пассивное хранилище сведений о языке, а как динамическая функциональная система;
- указывается на постоянное взаимодействие между процессом переработки и упорядочения речевого опыта и его продуктом (то есть новое в речевом опыте, не вписывающееся в рамки системы, принципиально ведет к ее перестройке, а каждое очередное состояние системы служит лишь этапом в перестройке речевого опыта) – единство процесса и продукта;
- названными положениями создается база для трактовки речевой организации человека как саморазвивающейся системы [6, с. 30].

В итоге исследователь выделяет общие характеристики речевого механизма (языковой способности):

- функциональность – предназначность для использования в целях какой-либо деятельности;
- динамичность – способность формироваться, варьироваться, развиваться в соответствии с внешними и внутренними условиями осуществления деятельности;
- интегративность – способность обеспечивать компрессию смысла за счет включения «в себя» комплекса потенциальных возможностей развертывания ситуации, описания объекта и пр.;
- кодовая вариативность – разнообразие форм репрезентации знаний [6, с. 53].

Оговоримся, что некоторые лингвисты, например, Н.В. Романовская, интерпретируя концепцию А.А. Залевской, понимают под функциональностью «способность системы к проявлению/образованию новых свойств составляющих ее

единиц в процессе функционирования системы», под интегративностью – «набор функциональных опор в речемыслительной деятельности индивида, обеспечивающих, например, вероятностную актуализацию некоего ментального содержания». Вариативность понимается исследователями как «наличие когнитивных структур различных типов и различной степени осознания в структуре языковой личности», также понятие вариативности «покрывается» в работах Н.В. Романовской понятием функциональности [28, с. 13–14].

Основываясь на выделенных характеристиках, мы будем понимать под языковой способностью динамическое образование (механизм (Л.В. Щерба и др.) / совокупность механизмов (В.А. Пищальникова, Н.В. Романовская и др.), развивающееся по закону функциональных систем при значительной роли общества, и представляющее собой единство процесса и продукта (по А.А. Залевской).

Структура языковой способности

Утверждая, что языковую способность отличает приобретенный характер, русские лингвисты добавляют, что «при овладении системой языка в детстве формируется некая обобщенная система элементов, коррелирующая с системой языка (но не тождественная ей)». Это позволяет им определять языковую способность, как «многокомпонентную систему» [33, с. 14]. Учитывая, что любая система предполагает наличие компонентов и определенных правил их организации, можно предположить, что языковая способность как система состоит из некоторых составляющих, их уровней, что позволяет говорить о наличии у нее структуры.

Проблемы структуры языковой способности касаются многие современные лингвисты, работающие в рамках когнитивистики и психолингвистики. Общепринятое и распространенное представлением о том, что языковая способность складывается из составляющих, которые соответствуют уровням языковой структуры, то есть из фонетического, лексического, грамматического и семантического компонентов, основывается на идеях А.М. Шахнаровича, который выделяет семантический компонент как занимающий «особое место в структуре языковой способности», понимая под ним «подсистему правил выбора адекватного

значения, которые не тождественны правилам, составляющим грамматический компонент» [33, с. 14].

Экспериментальные исследования лексического (Н.В. Уфимцева и др.) и грамматического (Н.М. Юрьева, Л.И. Гагарева и др.) компонентов, позволяют предполагать следующее: а) «компоненты языковой способности формируются как способы организации единиц для решения коммуникативных задач в конкретных деятельностих ситуациях, где речевые действия играют как бы подчиненную, но весьма важную роль» [33, с. 20], б) «в соответствии с подобными представлениями в процессе порождения или восприятия текста происходит соединение, осуществляется синтез разных компонентов, которые в другое время представляют собой независимые одно от другого, самостоятельные образования и хранятся в памяти человека по отдельности: отдельно лексика, отдельно правила словоизменения, отдельно правила соединения слов или правила словообразования» [9, с. 5]. Думается, что подобную модель структуры языковой способности «в явном или неявном виде» разделяет большинством современных лингвистов. Несмотря на это, проблема структуры языковой способности является открытой и дискуссионной в современной лингвистической науке. В частности, Ю.Н. Караполов излагает иной, отличный от общепринятого, взгляд на данную проблему. Результаты его исследований усредненной ассоциативно-вербальной сети современных носителей русского языка так же, как анализ индивидуальной ассоциативно-вербальной сети, дают автору основания утверждать, что «грамматика не отделена от лексики, а наоборот, синкетична с ней, разлита, «размазана», так сказать, по ассоциативно-вербальной сети, которая представляет индивидуальный лексикон носителя языка. Грамматика в ней хранится в лексикализованном виде, так что все грамматические формы распределены между узлами-лексемами этой сети» [9, с. 6].

Если А.М. Шахнарович в качестве экспериментальной базы модели языковой способности использовал материалы по исследованиям детской речи, то Ю.Н. Караполов, предлагая свою модель, «во всяком случае в части, касающейся

лексико-семантического и грамматического (т.е. словоизменительного и словообразовательного) уровней» основывался на обращении «к словарю индивидуальности, словарю языка писателя, поэта» [9, с. 6–7].

Подчеркнем, что спор лингвистов вызывает не компонентное наполнение структуры языковой способности, а проблема обособленности / слитности ее компонентов.

Графически обсуждаемый материал выглядит следующим образом.

Рис. 3. Схема 3. Структура языковой способности

Таким образом, в современной науке можно выделить две основные точки зрения на соотношение компонентов структуры языковой способности. Одна из них манифестирует то, что компоненты языковой способности являются самостоятельными, отдельными друг от друга. Эта точка зрения принадлежит А.М. Шахнаровичу и поддерживается большинством лингвистов. Противоположная точка зрения принадлежит Ю.Н. Караулову и манифестирует слитность,

спаянность лексико-семантического и грамматического уровней языковой способности.

Современные подходы к определению языковой способности

Рассмотрев понятие языковой способности, мы выяснили, что взгляды лингвистов на природу и структуру данного понятия не являются однозначными. Также вызывает споры языковедов само понятие языковой способности и та система терминов, которая его обсуждает: «содержание самого понятия «языковая способность» трактуется в современной лингвистике неоднозначно, оперирование им зачастую сопровождается терминологической путаницей» [35, с. 175]. Действительно, обратившись к научной литературе, мы пришли к выводу о том, что, несмотря на возросший интерес исследователей к соотношению языка и сознания, современная лингвистическая наука еще нечетко определяет способность индивида к переосмыслению и интерпретации языкового знака.

Отсюда понятно, что само понятие языковой способности и терминологический аппарат, связанный с ее описанием, заслуживает отдельного рассмотрения.

В качестве материала нашего исследования были взяты блоки литературы по таким дисциплинам, как когнитивистика, психолингвистика и методика преподавания языка.

Обратимся к Большому энциклопедическому словарю, в котором находим следующее определение языковой способности: это «многоуровневая иерархически организованная функциональная система, формирующаяся в психике носителя языка в процессе онтогенетического развития» [17, с. 617]. Согласимся, что такое определение не дает четкого представления об интересующем нас понятии.

Можно говорить о том, что в науке сложилась несколько парадоксальная ситуация, когда, с одной стороны, не существует установившегося термина, называющего феномен интерпретации языкового знака человеком, а с другой, – за термином «языковая способность» закреплено несколько разнородных понятий, то есть он является ложноориентирующим.

На наш взгляд, в современной лингвистике выделяется несколько тенденций в понимании лингвистами термина «языковая способность».

Понимание языковой способности как усвоение языка и способность к овладению им характерно для методики преподавания языка (М.К. Кабардов, Е.В. Арцишевская [8], И.М. Румянцева [29], Е.В. Яковченко [36] и др.); психолингвисты (Л.В. Сахарный [30], В.А. Пищальникова [26] и др.) считают, что термин языковая способность называет способность индивида к знакообразованию; когнитивисты (Е.С. Кубрякова [14], Е.В. Лукашевич [18] и др.) понимают под языковой способностью способность индивида к вербализации ментального содержания языка и к интерпретации языкового знака. Нужно заметить, что названные процессы являются достаточно широкими. В связи со сложностью и неоднозначностью данных представлений, остановимся на этом материале и детально рассмотрим все тенденции в понимании лингвистами языковой способности.

Выяснение функционирования понятие языковой способности в методике обучения языку начнем с замечания о том, что проблемы, связанные с оптимизацией обучения языку как родному, так и иностранному, невозможно решить до тех пор, пока не исследованы пути формирования, особенности организации и закономерности функционирования языковой способности индивида [16, с. 115].

В данной области исследования понятие языковой способности может рассматриваться одновременно и как результат (овладение языком), и как процесс (усвоения языка).

Считаем, что в случае понимания языковой способности непосредственно как овладение языком (М.К. Кабардов, Е.В. Арцишевская [8] и др.) не нашли разграничения терминологизированное сочетание «способность к языку» (по нашему мнению, более удачное для подобной трактовки) и термин «языковая способность».

Работы специалистов (И.М. Румянцева [29], Е.В. Яковченко [36] и др.), рассматривающих языковую способность как процесс обучения языку, носят междисциплинарный характер. В частности, можно говорить о связях методики с психолингвистическим и когнитивным направлениями. Так, например, работы И.М. Румянцевой могут занимать промежуточное положение между исследованиями по методике преподавания языка и психолингвистике, а работы Е.В. Яковченко – между методическими и когнитивистскими исследованиями.

Нужно сказать, что в настоящее время, несмотря на актуальность изучения языковой способности в практике овладения вторым языком, данное понятие «скорее, является объектом исследования в теоретической лингвистике, нежели в практике обучения языку» [20, с. 80].

Психолингвисты под термином «языковая способность» обычно понимают способность носителя языка к знакообразованию.

Данное определение языковой способности характерно для психолингвистического направления в целом. В связи с тем, что понятие языковой способности ввел в отечественную психолингвистику А.А. Леонтьев, в первую очередь, обратимся к его пониманию данного понятия. Как мы отмечали, исследователь вводит понятие языковой способности в качестве номинации психофизиологического механизма, обеспечивающего владение и овладение языком [16, с. 7] и определяет предмет психолингвистики как отношение между системой языка и языковой способностью [16, с. 7–15]. Оговоримся, что автор не разделяет понятия языковой способности и речевой деятельности.

Возможно, в связи с необходимостью учитывать, что «никакое знание не может стать общественным прежде, чем оно пройдет через «индивидуальную голову», и с психологической стороны безразлично, насколько результат познания общественно значим» [16, с. 24–25], иными словами, с необходимостью «исследования перехода объективно языковых явлений в явления «индивидуальные», психологические и наоборот» [20, с. 75], А.А. Леонтьев добавил к определению языковой способности такое понимание, как «способы языковой презентации содержания мышления» [16, с. 101–112].

Таким образом, можно сказать, что А.А. Леонтьев сформулировал общепринятое определение языковой способности («совокупность физиологических и психологических условий, обеспечивающих производство, воспроизведение и адекватное восприятие языковых знаков членами языкового коллектива»), но в процессе научной деятельности придал ему дополнительные (на наш взгляд, когнитивные) смыслы.

Понимание языковой способности как способности к знакообразованию характерно для таких лингвистов, как Л.В. Сахарный [30], Г.И. Богин [2] и др. Многим психолингвистам свойственно дополнять понятие языковой способности личными смыслами.

Ю.Н. Караулов понимает под языковой способностью человека «возможность для него производить и понимать тексты, ранее ему не известные, им не производившиеся и не слышанные» [9, с. 5], то есть автор принимает идею о том, что языковая способность есть способность к знакообразованию, но существенно дополняет (по нашему мнению, сужает) его, вводя определение «неизвестные» тексты.

Автор критически относится к трактовке языковой способности как «механизма», поскольку «как только мы скажем «механизм», мы сразу же оказываемся в плена жестко детерминированных отношений, которые существуют между составляющими его деталями и частями [9, с. 5]. Так, Ю.Н. Караулов вводит довольно близкое к языковой способности понятие ассоциативно-вербальной сети, которая воплощает «структуру индивидуального лексикона», способ его организации.

Положения исследователя о том, что в ассоциативно-вербальной сети

- 1) морфология записана лексикализованным образом, то есть «синкretично с лексикой», но «типовые парадигмы предстают не в концентрированном виде, как это обычно бывает в системном описании, а в виде размытых структур, распределенных между аналогически изменяемыми группами лексем»;
- 2) представлено «большое количество самых распространенных в живой речи, самых простых, банальных словосочетаний»;
- 3) находят отражения «элементы

наивной языковой картины мира носителя языка»; 4) «зашифрованы часто не осознаваемые pragматические характеристики языка и его носителя (оценки, установки, мотивы, ценности) позволяют Е.В. Лукашевич сделать вывод, согласно которому ассоциативно-вербальная сеть – это «содержательная модель языковой способности индивида» [20, с. 82–83].

Ю.Н. Караулов также осознает, что «система, как бы пересаженная в голову человека (ведь мы изучаем родной язык и обучаем ему по учебникам, словарям, то есть по его системным описаниям), выступает, по умолчанию, как интерпретация самой языковой способности». Более того, автор отмечает слабость такой позиции в том, что «отожествляя «систему» со «способностью», мы становимся на путь отчуждения языка от человека, на путь рассмотрения системы» как самодовлеющей сущности» [11, с. 5].

Отсюда понятно, что автор сближает понятия языковой способности и ассоциативно-вербальной сети, но не отожествляет их, так как «рассмотрение фактов языка с точки зрения языковой способности предполагает отход от «системно-детерминистского мира привычного представления языкового строя, его грамматики и лексики» и обращение к вероятностному миру языковой личности» [10, с. 7].

Касаясь авторских терминов, необходимо обратиться к понятию ментально-лингвального комплекса, предложенного В.В. Морковкиным. Считаем, что оно также согласуется с понятием языковой способности. Более того, если обратиться к определению ментально-лингвального комплекса – «функционирующая на основе человеческого мозга самоорганизующаяся информационной системы, которая обеспечивает восприятие, понимание, оценку, хранение, преобразование, порождение и передачу информации» [24, с. 64], можно сделать вывод о том, что данное понимание заключает в себе контаминацию (синтез) представлений о языковой способности, как о способности к знакообразованию (восприятие, понимание, хранение, порождение и передача информации) психолингвистов и как о феномене интерпретации языкового знака (оценка, преобразование информации) когнитивистов.

Подобный синтез психолингвистических и когнитивных представлений также характерен для работ, например, А.Н. Шахнаровича, В.А. Пищальниковой Н.В. Романовской, которые, определяя сущность языковой способности с позиции психолингвистики, все же говорят (В.А. Пищальникова, Н.В. Романовская) или подразумевают (А.Н. Шахнарович) наличие личностной интерпретации языкового знака индивидом: языковая способность является «своего рода индивидуальным способом «хранения» языка в сознании одновременно – способом реализации отраженных сознанием элементов системы языка» [33, с. 214].

Таким образом, наряду с общепринятыми представлениями о языковой способности как о способности к знакообразованию, в психолингвистике существуют авторские концепции. Например, А.А. Залевская вообще выстраивает трехкомпонентную параллель: речевой механизм человека – язык как способность (исследователь понимает это как психическое свойство) – речевая организация индивида (как структура психического свойства) [6, с. 33]. Заметим, что все рассмотренные нами концепции имеют теоретическое обоснование и широкую экспериментальную базу.

Неоднократно обратившись к пониманию языковой способности как способности к интерпретации языкового знака и вербализации ментального содержания языка, рассмотрим подробнее, как данное понимание функционирует в когнитивной лингвистике. «Описание и объяснение языковой способности и / или знаний языка как внутренней когнитивной структуры и динамики говорящего-слушающего, рассматриваемого как система переработки информации, состоящая из конечного числа самостоятельных модулей и соотносящая языковую информацию на различных уровнях», по мнению Е.С. Кубряковой и В.З. Демьянкова, является центральной задачей когнитивной лингвистики. То есть для них языковая способность относится «прежде всего к характеристике того, что умеет делать человек с имеющимися в его распоряжении данными о языке, в ходе каких процессов человек приобретает эти знания и как он их использует» [13, с. 329].

Е.В. Лукашевич рассматривает языковую способность включенной в три способа репрезентации языкового языка: язык – текст, язык – система и язык – способность (язык в его предречевой готовности (Л.В. Щерба, А.А. Потебня), понимая под ней способность индивида к интерпретации языкового знака и вербализации ментального содержания языка.

Можно говорить о том, что среди когнитивистов нет разногласий по определению понятия языковой способности. Единственное, нужно отметить, что некоторые исследователи, например, В.А. Маслова, обращаясь к репрезентации ментального содержания индивидом в языке, не называют ее «языковой способностью» [23, с. 8–12].

Отобразим достаточно объемный материал графически.

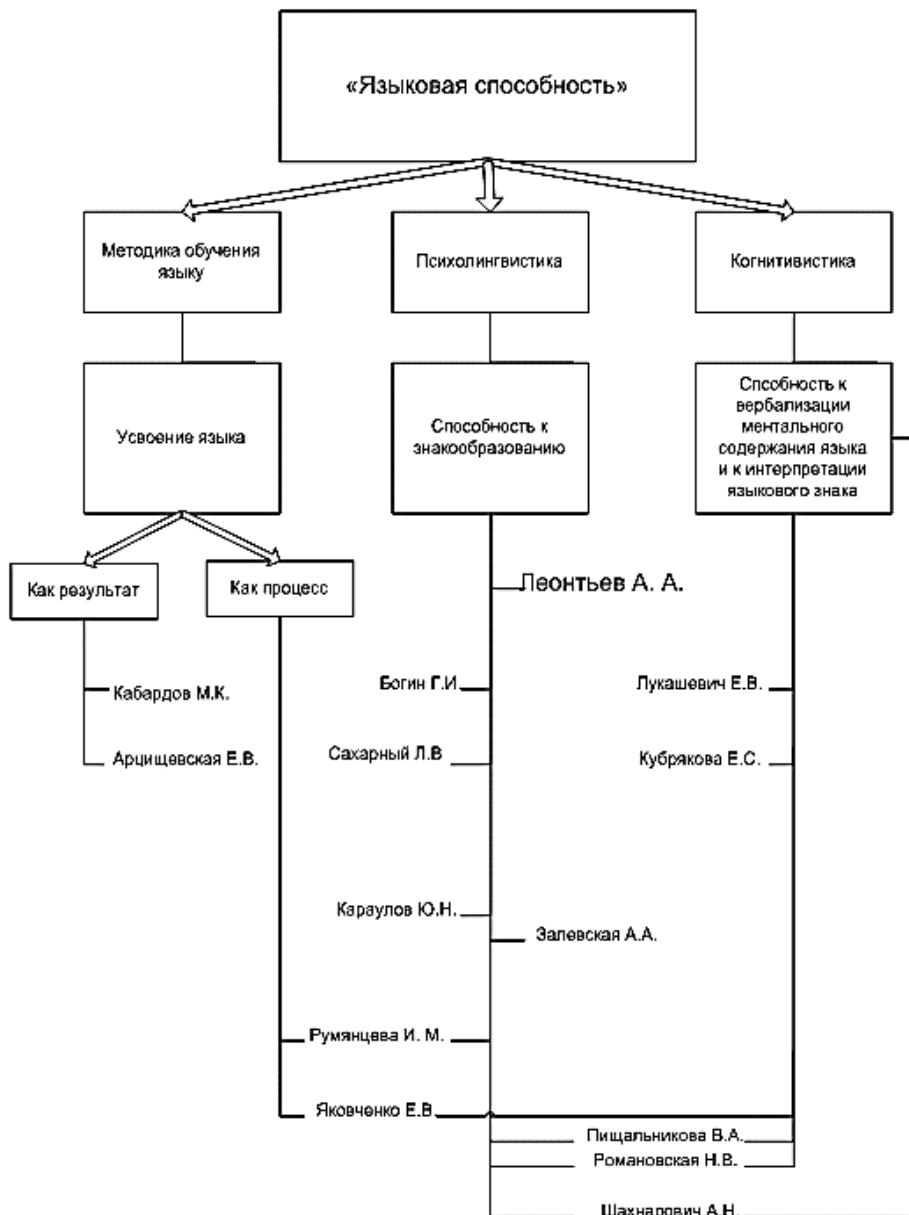

Рис. 4. Схема 4. Понимание лингвистами языковой способности

В нашей работе, мы используем термин «языковая способность», понимая под ним универсальный механизм вербализации ментального содержания и способность индивида к интерпретации языкового знака. Итак, рассмотрев использование термина «языковая способность» в лингвистических исследованиях, мы выделили три подхода к его пониманию: 1) овладение языком и способность индивида к усвоению языка; 2) способность индивида к знакообразованию; 3) вербализация ментального содержания языка и интерпретация языкового знака.

Оговоримся, что в работах некоторых лингвистов можно обнаружить синтез этих пониманий.

Система терминов, «обслуживающая» понятие «языковая способность»

Считаем возможным обратиться к тому, что стоит за языковой способностью как способностью к интерпретации языкового знака, то есть нас интересует система терминов, которая «обслуживает» понятие «языковая способность». В связи с неоднозначностью обсуждаемого понятия, в научных исследованиях, а также актуальностью того или иного аспекта для исследователя, широко используются (взаимодополняются, взаимозаменяются) термины «языковая способность», «языковая» и «речевая компетенция».

Считая разграничение данных понятий принципиальным, попытаемся доказать, что с интерпретацией языкового знака наиболее коррелирует термин «языковая способность».

Вслед за Н.В. Романовской отметим, что «каждый из обозначенных феноменов имеет свою историю становления в лингвистической науке в качестве объекта исследования, и до сих пор не существует однозначной непротиворечивой исследовательской модели ни одного из них» [28, с. 3].

Мы выяснили, что языковая способность носит врожденный характер и получает свое развитие в процессе социальной деятельности человека. Иными словами, языковая способность как динамическая система способна к саморазвитию в процессе формирования языковой компетенции носителя языка. Употребление термина «языковая компетенция» связывается с наличием знаний неких «неосознаваемых / осознаваемых правил языка и умением воспользоваться ими в коммуникативной ситуации» [28, с. 12]. «Речевая компетенция» связана с применением этих правил, то есть языковая компетенция реализуется в речевой компетенции.

Оба вида компетенции приобретаются индивидом в процессе деятельности и уровень их сформированности проступает во всех речевых действиях продукента речи [3, с. 14]. Другими словами, языковая и речевая компетенции отражают уровень владения языком индивида.

Если мы понимаем под языковой способностью способность к вербализации индивидом ментального содержания языка и способность его (индивида) к интерпретации языкового знака, то думается, что уровень владения языком, то есть языковую и речевую компетенции, можно рассматривать как реализованную речевую способность. Иными словами, языковая способность – возможность, а языковая компетенция – реализацию этой возможности. Отсюда понятно, что термин «языковая способность» находится в тесной связи с терминами «языковая» и «речевая компетенция», но это не должно приводить к смешению данных понятий.

Нужно отметить, что Е.В. Лукашевич, наряду с термином «языковая способность», использует термин «когнитивный механизм», но все же понятие, закрепленное автором за этим термином, шире, чем понятие языковой способности.

Графически это выглядит следующим образом.

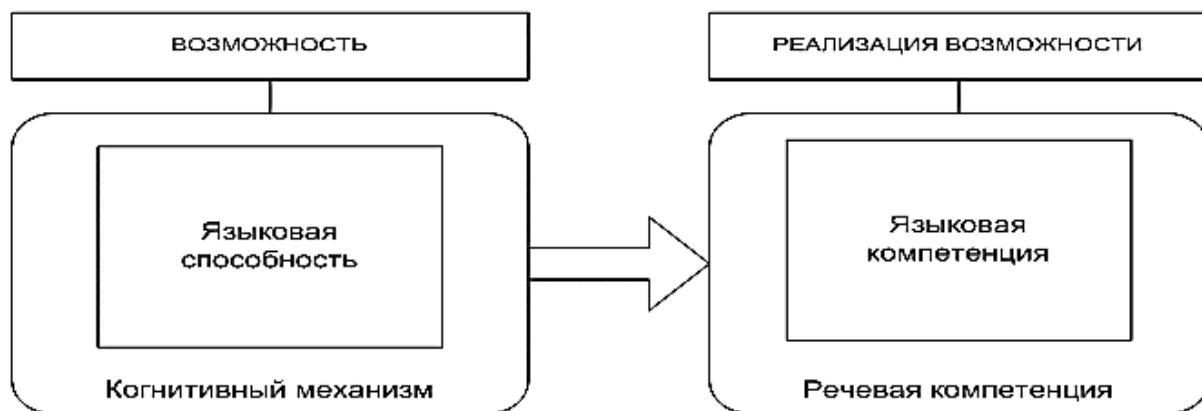

Рис. 5. Схема 5. Взаимодействие понятий «языковая способность» и «языковая», «речевая компетенция»

Методы исследования языковой способности

Важной методологической проблемой изучения языковой способности является выбор метода исследования. В последнее время широкое распространение получили различного рода экспериментальные исследования, обращенные к языковому сознанию носителя языка и направленные на изучение разного рода связей языка и мышления. Для выявления языковой способности человека и диагностики ее состояния наиболее часто применяются метод свободного ассоциативного эксперимента, ассоциативно-переводческий метод и метод семантизации слова. Подобные эксперименты, как нам кажется, характерны для двух подходов к выявлению языковой способности: 1) синхронного и 2) диахронного.

В рамках синхронного подхода проведены вербально-семантические исследования по выявлению языковой способности при помощи использования следующих методов:

Таблица 1

Методы вербально-семантических исследований

Синхронный подход		
Метод	Эксперимент	Автор. Название работы
Метод свободного ассоциативного эксперимента (с учетом метода интроспекции)	Анализ концепта «любовь» Разработка методики эксперимента	Лукашевич Е.В. Теория языкового развития в когнитивно-дискурсивной парадигме [21]
Ассоциативно-переводческий метод	Диагностика языковой способности индивида при овладении вторым языком	Яковченко Е.В. Ассоциативно-переводческий метод диагностики языковой способности индивида при овладении вторым языком [35]
	Выявление языковой способности и языковой компетенции при понимании иноязычного текста в процессе переводческой деятельности формирующихся билингвов	Романовская Н.В. Языковая способность как детерминанта понимания иноязычного текста [28]
Метод семантизации слова	Выявление уровня развития языковой личности абитуриента	Мандрикова Г.М. Лексическая лакунарность как показатель уровня развития языковой личности абитуриента [22]

	Выявление языковой способности студента (с учетом метода интроспекции)	Лукашевич Е.В. Языковая способность студента в аспекте когнитивной и коммуникативной деятельности [18]
	Диагностика состояния семантического уровня языковой способности современного школьника	Лукашевич Е.В. Диагностика состояния семантического уровня языковой способности современного школьника [19]

Обратимся к данным исследованиям.

В настоящее время ассоциативный эксперимент считается основным средством доступа к языковой способности носителя языка [19, с. 86]. Так, автор рассматривает Ассоциативный тезаурус современного русского языка, включающий более миллиона словоупотреблений, в качестве модели языковой способности и языкового сознания среднего носителя языка [19, с. 86], а также использует материалы Славянского ассоциативного словаря для иллюстрации (на примере анализа концепта «любовь») методики исследования, позволяющей выявить «сочетание стабильных и нестабильных признаков в структуре значения слова как фактор эволюции значения слова в языковой способности носителя языка на определенном этапе развития языка» [19, с. 7].

1. На основе анализа дефиниций в лингвистических словарях с помощью метода компонентного анализа составляется обобщенное описание данного слова в системе языка (моделируется семантическая структура слова). Компонентный анализ выступает как метод систематизации содержащейся в словарях информации.

2. На основе метода интроспекции выявляются актуальные для носителя языка стабильные когнитивные признаки данного слова, не только лингвистически релевантные, но и экстралингвистические, составляющие когнитивную структуру слова. Компонентный анализ выступает как исследовательский метод обнаружения потенциальных компонентов значения слова.

3. На основе метода свободного ассоциативного эксперимента составляется ассоциативное поле (концептуальная структура), в ядре которого представлена когнитивная структура слова, а на периферии – совокупность стабильных и нестабильных признаков в структуре значения слова (овнешнение сознания).

4. Между признаками, образующими каждую из структур, устанавливается корреляция и обнаруживаются нестабильные компоненты разной частотности, свидетельствующие о накапливающихся смысловых изменениях на разных стадиях развития значения, что позволяет выявить специфику взаимодействия и взаимообусловленности элементов языковой способности носителей языка и языковой системы и смоделировать возможные пути эволюции значения данного слова [19, с. 7–9].

Таким образом, в своей методике анализа Е.В. Лукашевич дополняет метод свободного ассоциативного эксперимента методом интроспекции.

Ассоциативный эксперимент также может дополняться переводческим методом. Мы имеем в виду эксперименты, проведенные в рамках методики преподавания неродного языка. Так, Е.В. Яковченко была разработана методика, позволяющая обнаружить проявление языковой способности индивида в условиях учебного двуязычия. Методика заключается в совмещении ассоциативного и переводческого методов. На их основе был проведен многоступенчатый психолингвистический эксперимент, в котором принимали участие студенты языковых и неязыковых вузов. В качестве материала выступали тексты, осложненные метафорическими комплексами [35, с. 177]. Ассоциативный этап эксперимента позволил автору сделать вывод о том, что «восприятие и понимание текста обусловлены спецификой ассоциативного значения опорного (метафорические комплексы – языковые средства раскрытия основного смысла исходного текста) слова и способствуют сохранению инвариантности понимания текста, а анализ дистрибуции ассоциативных реакций на слово-стимул (и вариантов перевода) способствует моделированию языковой способности билингвов». Результаты пе-

реводческого этапа психолингвистического эксперимента выявили, что механизм языковой способности обеспечивает принципиальную возможность адекватного понимания в условиях межкультурной коммуникации.

Совмещение выводов этих этапов позволяют автору предполагать, что благодаря реализации языковой способности (высокий процент понимания лакунарного текста), а также «разных когнитивных признаков одного значения, вызванной несовпадением семантических, психологических, ассоциативных и прочих особенностей автора и переводчика-билингва», происходит вероятностное развитие исходного значения слова [35, с. 178].

К обсуждаемой методике эксперимента близок эксперимент, проведенный Н.В. Романовской на материале текстов перевода. Автор, рассматривая перевод как специфический вид речемыслительной деятельности, попыталась показать, что при понимании иноязычного текста в процессе переводческой деятельности формирующихся билингвов происходит формирование новых для носителя данного языка (лингвокультурной общности) познавательных структур в результате интеграции когнитивных структур родного и иностранного языков [28, с. 6].

Метод семантизации (один из видов интерпретации, в когнитивистике определяется как процесс объяснения значения слова) был использован Г.М. Мандриковой при анализе тестовых заданий, предлагаемых на вступительных экзаменах. Письменный вступительный экзамен по русскому языку в части выполнения задания на объяснение значения слова рассматривался как своего рода лингвистический эксперимент, цель которого – прояснить способы агнонимичного (в разной степени) для абитуриента слова. Примечательно, что, поскольку речь шла о выполнении экзаменационного задания, мотивация выполнить его как можно лучше была очень высокой, в то время как в обычных лингвистических экспериментах такой мотивации может и не быть.

Данный метод также характерен для исследований Е.В. Лукашевич по диагностике состояния языковой способности современных школьников и студентов.

Результаты подобных экспериментов вызывают обоснованные опасения исследователей. Авторы отмечают, что «будущие студенты-первокурсники (abitуриенты) не обучены элементарным лексическим навыкам: они не понимают и не воспринимают научную лексику, не могут интерпретировать новые понятия, опираясь на возможности сформированного персонального, личностного языкового сознания, предопределенного сложившейся персональной картиной мира» [22, с. 238]. Лингвисты обозначают проблему «реальной неготовности студентов-первокурсников не только к новой (отличной от школьной) системе обучения, но и к тому потоку новой информации, которая «обрушивается» на них на лекционных и практических занятиях» [22, с. 237].

Обращаясь к диахронному подходу выявления языковой способности, необходимо рассмотреть работу Ю.Н. Карапуза «Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности» [9], которая построена как описание эксперимента по прочтению современного литературно-художественного текста с помощью «Словаря языка А.С. Пушкина», т.е. глазами читателя первой трети XIX века: Пушкин читает Маканина.

Основную часть работы составил комментированный словарь, в котором ретроспективно отражена грамматическая, семантическая и словообразовательная эволюция слов и выражений русского языка на протяжении полутора веков.

Экспериментальные данные позволяют сделать ряд новых наблюдений над жизнью слов и их изменениями в связи с развитием культуры, ростом научных знаний, становлением новой картины мира, иными словами, в связи с эволюцией русской языковой способности: «имитируется работа языковой способности на разных уровнях восприятия и понимания текста: на уровне семантики и форм слов, словосочетаний и предложений (ассоциативно-вербальная сеть); на уровне отражения в языке (в языковом сознании) представлений и знаний об окружающем мире (тезаурус); на уровне ценностно-целевых установок человека в мире (прагматикой)». Так, «двигаясь к дню сегодняшнему от пушкинских времен, мы прослеживаем эволюцию, которую пережили за полтора столетия русские слова в их внешнем облике и семантике, открываем изменения в их сочетаемости, в

синтаксической структуре фразы, останавливаем внимание на головокружительных трансформациях элементов повседневной культуры и быта, на переменах, произошедших в прагматических установках личности» [9, с. 165].

Для наглядности материал о методах исследования языковой способности графически был заключен в схему.

Рис. 6. Схема 6. Методы исследования языковой способности

Как видим, современная лингвистика имеет набор методов, приемов и процедур исследования способности человека к интерпретации языкового знака и к наполнению его ментальным содержанием. Основным средством доступа к языковой способности в настоящее время признается ассоциативный эксперимент.

Мы рассмотрели 1) область функционирования языковой способности, 2) становление понятия языковой способности, 3) природу языковой способности, 4) основные признаки и свойства языковой способности, 5) ее структуру, 6) понятие языковой способности, 7) термин «языковая способность», а также

8) методы исследования языковой способности. На основании проделанной работы можно сделать следующие выводы:

1. Понятие языковой способности является актуальным для современной лингвистической науки. Наиболее востребованным оно является в терминологических аппаратах, обслуживающих области психолингвистики и когнитивистики.

2. Понятие языковой способности впервые было введено Н. Хомским, в отечественной психолингвистической науке оно появилось в трудах А.А. Леонтьева, восходя к идее А.В. Щербы «о психофизиологической речевой организации индивида» как «системе потенциальных языковых представлений».

3. Для современной лингвистики актуально мнение врожденном механизме языковой способности, получающем свое развитие под влиянием внешних социальных факторов.

4. К основным признакам языковой способности исследователи (А.А. Залевская, А.А. Леонтьев, А.М. Шахнарович и др.) относят ее неравенство абстрактной системе языка, несводимость к простой реализации данной системы.

5. Языковая способность является динамическим образованием (механизмом / совокупностью механизмов, развивающимся по закону функциональных систем при значительной роли общества, и представляющим собой единство процесса и продукта.

6. Можно выделить две основные точки зрения на соотношение компонентов структуры языковой способности: одна из них манифестирует самостоятельность компонентов языковой способности (А.М. Шахнарович и др.), противоположная точка зрения акцентирует слитность, спаянность лексико-семантического и грамматического уровней языковой способности (Ю.Н. Караполов и др.).

7. Взгляды лингвистов на природу и структуру языковой способности не являются однозначными. Споры языковедов вызывает само понятие языковой способности и та система терминов, которая его обсуживает.

8. В современной лингвистике четко выделяется несколько тенденций в понимании лингвистами термина «языковая способность». Понимание языковой способности как усвоение языка и способность к овладению им характерно для методики преподавания языка (М.К. Кабардов, Е.В. Арцишевская, И.М. Румянцева, Е.В. Яковченко и др.); психолингвисты (Л.В. Сахарный, В.А. Пищальникова и др.) считают, что термин языковая способность называет способность индивида к знакообразованию; когнитивисты (Е.С. Кубрякова, Е.В. Лукашевич) понимают под языковой способностью способность индивида к вербализации ментального содержания языка и к интерпретации языкового знака.

9. Термин «языковая способность» находится в тесной связи с терминами «языковая» и «речевая компетенция», что не должно приводить к смешению данных понятий. Под языковой способностью мы понимаем способность к вербализации индивидом ментального содержания языка и способность его (индивида) к интерпретации языкового знака, под языковой и речевой компетенциями – уровень владения языком, то есть реализованную речевую способность.

10. Современная лингвистика имеет набор методов, приемов и процедур исследования способности человека к интерпретации языкового знака и к наполнению его ментальным содержанием: это метод свободного ассоциативного эксперимента, ассоциативно-переводческий метод и метод семантизации слова. Основным средством доступа к языковой способности в настоящее время признается ассоциативный эксперимент.

11. Собственное определение языковой способности, отражающее ее наиболее релевантные для данной работы характеристики: языковая способность – это врожденная, развивающаяся по закону функциональных динамических систем при значительной роли общества способность индивида к интерпретации языкового знака и наделение его (знака) ментальным содержанием.

Итак, понятие языковой способности вызывает определенные споры в лингвистическом сообществе. Мы с учетом вышеизложенного, предложили следующее определение языковой способности. Языковая способность – это врожден-

ная, развивающаяся по закону функциональных динамических систем при значительно роли общества способность индивида к интерпретации языкового знака и наделение его (знака) ментальным содержанием.

Посвятив настоящую работу теоретическим изысканиям, не менее важным считаем проведение экспериментального исследования по выявлению динамики развития языковой способности. Данное направление является перспективой нашего исследования.

Список литературы

1. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки [Текст]: пер. с фр. / К. Ажеж. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 301 с.
2. Богин Г.И. Уровни и компоненты речевой способности человека [Текст]: Учебн. пос. / Г.И. Богин. – Калинин: КГУ, 1975. – 106 с.
3. Бутакова О.Л. Языковая способность – речевая компетенция – языковое сознание индивида [Текст] / О.Л. Бутакова // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 13–14.
4. Выготский Л.С. Мысление и речь [Текст] // Собр. соч. В 6-ти т. Т.2. / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1982. – 504 с.
5. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества [Текст] // В. фон. Гумбольдт Избранные труды по языкоznанию: пер. с нем. / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
6. Залевская А.А. Введение в психолингвистику [Текст] / А.А. Залевская. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. – 382 с.
7. Залевская А.А. Языковое сознание и описательная модель языка [Текст] А.А. Залевская // Методология современной психолингвистики: Сб. ст. – М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 35–49.

8. Кабардов М.К. Типология языковых способностей [Текст] / М.К. Кабардов, Е.В. Арцишевская // Способности: К 100-летию со дня рождения Б.М. Теплова / Под ред. Э.А. Голубевой. – Дубна: Изд. Центр «Феникс», 1997. – С. 259–288.
9. Караулов Ю.Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: УРСС, 2006. – 168 с.
10. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Институт русского языка РАН, 1999. – 180 с.
11. Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Институт русского языка РАН, 1991. – 66 с.
12. Кибрик А.Е. Современная лингвистика: Откуда и куда? [Текст] / А.Е. Кибрик // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 1995. – №5. – С. 97–102.
13. Кубрякова Е.С. О ментальном лексиконе: лексикон как компонент языковой способности человека [Текст] / Е.С. Кубрякова // Актуальные проблемы современной лингвистики / сост. Л.Н. Чурилина. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 327–342.
14. Кубрякова Е.С. Язык и знание [Текст] / Е.С. Кубрякова – М.: Рос. академия наук. Ин-т языкознания; Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
15. Леонтьев А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации [Текст] // Синтаксис текста / А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1979. – С. 18–36.
16. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность [Текст] / А.А. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.
17. Леонтьев А.А. Языковая способность [Текст] / А.А. Леонтьев // Языко-знание. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. – С. 617.

18. Лукашевич Е.В. Языковая способность студента в аспекте когнитивной и коммуникативной деятельности [Текст] / Е.В. Лукашевич // Русский язык и культура речи как дисциплина государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования: опыт, проблемы, перспективы. – Барнаул: Издательство Алт. гос. университета, 2003 – С. 105–117.
19. Лукашевич Е.В. Диагностика состояния семантического уровня языковой способности современного школьника [Текст] / Е.В. Лукашевич // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч.1: Проблемы письменной речи и развития языкового чувства: Материалы конференции / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. – С. 27–36.
20. Лукашевич Е.В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект: монография [Текст] / Е.В. Лукашевич. – М.; Барнаул: Издательство Алт. гос. университета, 2002. – 233 с.
21. Лукашевич Е.В. Теория языкового развития в когнитивно-дискурсивной парадигме [Текст] / Е.В. Лукашевич. – Барнаул: Издательство Алт. гос. университета, 2006. – 39 с.
22. Мандрикова Г.М. Лексическая лакунарность как показатель уровня развития языковой личности абитуриента [Текст] / Г.М. Мандрикова // Философия образования. – 2005. – №3 (14). – С. 237–242.
23. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику [Текст] / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 296 с.
24. Морковкин В.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем) [Текст] / В.В. Морковкин, А.В. Морковкина. – М.: АО «Астра семья», 1997. – 414 с.
25. Пищальникова В.А. Общее языкоzнание [Текст] / В.А. Пищальникова. – Барнаул, 2001. – 240 с.

26. Пищальникова В.А. Теория значения; синергетический аспект [Текст] / В.А. Пищальникова // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: Материалы второй школы – семинара по лингвосинергетике. – Барнаул: Издательство Алт. гос. университета, 2001. – С. 71–85.
27. Пищальникова В.А. Языковая личность: ментальные основания языковой способности / В.А. Пищальникова // Филологический ежегодник /под ред. Н.Н. Мисюрова. Вып. 4. – Омск: Омский госуниверситет, 2002. – С. 142–151.
28. Романовская Н.В. Языковая способность как детерминанта понимания иноязычного текста [Текст]: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н.В. Романовская. – Тверь, 2004. – 40 с.
29. Румянцева И.М. Современные методы обучения иностранным языкам: лингво-психологический подход к развитию речевой способности человека [Текст] / И.М. Румянцева // Язык и культура в филологическом ВУЗе. Актуальные проблемы изучения преподавания. Сборник научных трудов. – М.: Рос. академия наук. Ин-т языкознания, 2006. – С. 17–23.
30. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику [Текст] / Л.В. Сахарный. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та., 1989. – 184 с.
31. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса [Текст]: пер. с англ. / Н. Хомский. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 259 с.
32. Хомский Н. Синтаксические структуры [Текст]: пер. с англ. / Н. Хомский. – М.: Изд-во МГУ, 1962. – 217 с.
33. Шахнарович А.М. Языковая личность и языковая способность. Язык-система. Язык-текст. Язык-способность [Текст] / А.М. Шахнарович. – М.: Институт русского языка РАН, 1995. – 288 с.
34. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность [Текст] // О троеком аспекте языковых явлений и об эксперименте / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 24–39 с.
35. Яковченко Е.В. Ассоциативно-переводческий метод диагностики языковой способности индивида при овладении вторым языком [Текст] / Е.В. Яковченко. – М.: Наука, 1980. – 128 с.

ченко // Языковой бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. – Барнаул: Издательство Алт. гос. университета, 2004. – С. 153–180.

36. Яковченко Е.В. Экспериментальное исследование языковой способности в условиях учебного двуязычия [Текст]: Автореф.... к-та филол. наук / Е.В. Яковченко. – Барнаул: Издательство Алт. гос. университета, 2003. – 22 с.

Ансимова Ольга Константиновна – канд. филол. наук, доцент ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет», Россия, Новосибирск.
